

ВЕСТНИК

РУССКОЙ
ХРИСТИАНСКОЙ
ГУМАНИТАРНОЙ
АКАДЕМИИ

2016
том 17
выпуск 4

*Издается
с 1997 г.*

*Выходит
4 раза в год*

Санкт-Петербург

Главный редактор

Д. В. Шмонин

Зам. главного редактора

А. А. Ермичев

Редакционная коллегия

Г. В. Вдовина, Г. И. Григорьев, И. И. Евлампиев, О. Е. Иванов,
М. В. Михайлова, О. Г. Оленчук, А. М. Прилуцкий,
Р. В. Светлов, П. А. Сапронов, В. А. Щученко

Редакционный совет

Д. К. Богатырёв (*председатель*),
В. Е. Багно, С. И. Дудник, А. А. Корольков,
Х. А. Гарсиа Куадрадо (Памплона, Испания), Я. Красицкий (Вроцлав, Польша),
М. Инглот (Рим, Италия), М. А. Маслин (Москва), М. Пизери (Аоста, Италия),
В. П. Соломин, С. С. Хоружий (Москва)

Вестник Русской христианской гуманитарной академии.
2016. Том 17. Вып. 4. — СПб.: Изд-во РХГА, 2016.

ISSN 1819–2777

Editor-in-Chief

Dmitry Shmonin

Editor

Alexander Ermichev

Editorial Board

Galina Vdovina, Gregorii Grigoriev, Igor Yevlampiev, Oleg Ivanov,
Marina Mikhailova, Olga Olenchuk, Alexander Prilutskii,
Roman Svetlov, Petr Sapronov, Vladimir Schuchenko

Advisory Board

Dmitry Bogatyrev (St. Petersburg, Russia) — *chairman*,
Vsevolod Bagno (St. Petersburg, Russia), Sergey Dudnik (St. Petersburg, Russia),
Alexander Korolkov (St. Petersburg, Russia), José Ángel Garcia Cuadrado
(Pamplona, Spain), Jan Krasicki (Wroclaw, Poland), Marek Inglot, SJ (Rome, Italy),
Mikhail Maslin (Moscow, Russia), Maurizio Piseri (Valle d'Aosta, Italy),
Valery Solomin (St. Petersburg, Russia), Sergey Horujy (Moscow, Russia)

The Russian Christian Academy for the Humanities Publishing House
St. Petersburg, Russia

© Русская христианская
гуманитарная академия, 2016
© Авторы выпуска, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

БОГОСЛОВИЕ. ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ

<i>Свящ. Артемий Якименко</i> Античная философия и формирование категориального аппарата Никейского богословия.	13
<i>Воробьев Д. В., Спиридонов А. Л.</i> Учение св. Максима Исповедника о двух волях Иисуса Христа	20
<i>Свящ. Михаил Легеев</i> У истоков богословия образования: Климент Александрийский и историческое преемство его взглядов на педагогику	26
<i>Каширина В. В.</i> Советы Феофана Затворника по составлению акафистов.	35
<i>Иером. Лука (Филатов)</i> Толкование рождественских песнопений в духовном наследии преподобного Амвросия Оптинского.	40
<i>Свящ. Георгий Думби</i> Место церковного предания в христианско-иудейском диалоге	48
<i>Земецкий Н. Г.</i> Арианство как рационализация религиозного опыта	58
<i>Ворохобов А. В.</i> Хамартиологическая концепция Карла Барта.	68
<i>Алексин К. В., Крихтова Т. М.</i> Специфика социальных ролей православных священников: эмпирическое исследование	75

Прот. Олег Анучин

Благотворительность и милосердие в структуре повседневности
городского и сельского населения Среднего Поволжья
(XIX — начало XX веков)88

ФИЛОСОФИЯ. АКТУАЛЬНЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ

Берестов И. В.

Разновидности холистического допущения у Протагора, Горгия и Платона ... 95

Романенко Ю. М.

Метафизика пищи: о реконструкции утраченного аристотелевского
трактата «О пище»107

Протопопова И. А.

Гибрис шаров: добродетель и эротика
в платоновских мифах Протагора и Аристофана119

Дорофеев Д. Ю.

Слезы и смех античной философии:
к эволюции образа Гераклита и Демокрита126

Гурьянов И. Г.

Рецепция Михаила Пселла в контексте физических и медицинских
рассуждения Марсилио Фичино137

Соболев И. А.

Становление философии как науки:
от первой философии Аристотеля к наукоучению И. Г. Фихте145

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Антощенко А. В.

«Горе, когда святые строят государства, вместо строительства Царства
Божия»: Письмо Г. П. Федотова Н. М. Зернову (1945)153

Иером. Авель

Имяславие Флоренского: исихазм или символизм?160

Ильин А. А.

Понятие «революция» у М. А. Бакунина: проблема амбивалентности169

Базанов П. Н.

Культура в творчестве мыслителя Русского зарубежья Н. И. Ульянова178

Из архива русской мысли

Ермичёв А. А.

Из истории семинара «Русская мысль»:
воспоминания Ю. К. Герасимова о Л. П. Карсавине187

Штрихи к портрету Льва Платоновича Карсавина.189

*А. А. Ильин**

ПОНЯТИЕ «РЕВОЛЮЦИЯ» У М. А. БАКУНИНА: ПРОБЛЕМА АМБИВАЛЕНТНОСТИ

В статье рассматривается понятие «революция» в работах М. А. Бакунина (1814–1876), революционера и теоретика анархизма. Основное внимание в исследовании уделяется проведению различия между двумя подходами к революции, которые можно обнаружить в текстах Бакунина. Первый основан на идее исторического прогресса и развития человеческой рациональности. Второй берет свое начало от типичного образа революции как иррационального насильственного изменения, лишённого прогрессивной цели. Чтобы провести разграничение между ними, его теория революции последовательно описывается относительно различных контекстов. Показан сложный и частично иррациональный характер революционных событий, осмысленных Бакуниным.

Ключевые слова: М. А. Бакунин, революция, прогресс, историческое развитие, иррационализм.

A. A. Ilyin

Concept “Revolution” in Michael Bakunin: the Problem of Ambiguity

This paper examines concept “revolution” in writings of M. A. Bakunin (1814–1876), revolutionary and theorist of anarchism. A particular focus of the study is difference between two distinct and incompatible approaches to revolution in Bakunin’s texts. First one is based on the idea of historical progress and development of human rationality. The second one stems from the common image of irrational and violent sides of revolutionary change. In order to delineate them the theory of revolution is successively described with regard to the different contexts. Complex and partially irrational character of revolutionary events comprehended by Bakunin will be revealed.

Keywords: M. A. Bakunin, revolution, progress, historical development, irrationalism.

* Ильин Андрей Александрович — аспирант Аспирантской школы по историческим наукам, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Andrew.a.ilyin@gmail.com

«Революционер» — эту характеристику М. А. Бакунина можно встретить во многих работах, посвященных его биографии и идеям. Сам Михаил Александрович в своих трудах также часто обращался к теме революции. «Революция» оказывается одним из понятий, критически важных для изучения идей Бакунина. Прояснение значения «революции» в текстах Бакунина может быть полезным для ответа на вопрос о его идентичности и месте в интеллектуальной истории.

Решению задачи способствует тот факт, что в источниках содержится большое количество сведений по интересующему вопросу. Проекты уставов организаций, планы их будущих действий были частым, почти навязчивым мотивом многих работ Бакунина. На протяжении долгих лет, начиная с 1840-х и почти до самой смерти в 1876 г., он уделял большое внимание составлению детальных планов, так же, как и анализу прошлых революций и прогнозам относительно будущих. Эта сторона деятельности Бакунина довольно подробно изучена, практически ни одна работа о нем не обходится без описаний того, как именно должна была происходить революция, по мнению Бакунина: каковы условия ее начала и развития, что в определенных условиях должны делать крестьяне, молодежь, люмпены, как должна быть устроена революционная организация, что произойдет с государством во время и после революции и т. д. [22, с. 339–354; 21, с. 160–230; 1].

Большое внимание было уделено тому, что именно о революции писал Бакунин, и гораздо меньше исследовалось то, почему он писал об этом так, а не иначе. Иными словами, какие общие идеи послужили рамкой или формой для его конкретных соображений. В статье будет рассматриваться то, как на представление М. А. Бакунина о революции оказывали влияние его взгляды на историю, право, природу и насилие. В ходе этого рассмотрения будут выделены два подхода к теме революции у Бакунина: революция как создание чего-то ранее небывалого, шаг на пути к прогрессу и революция как возвращение и восстановление справедливости. Подобное разделение уже рассматривалось на другом материале в работах по философии и интеллектуальной истории, [13, с. 523–526; 19, с. 40–41, 99–101; 20, с. 17–156], в данной статье оно будет применено к текстам Бакунина. Первое значение может быть обнаружено в его текстах, он также часто описывает революцию как прогрессивный шаг: «...революция не успокоится, пока не разрушит окончательно старого одряхлевшего мира, и не создаст из него нового прекрасного мира» [11, с. 104]. Если революция понимается как создание чего-то ранее небывалого, как шаг на пути к прогрессу, целью революционеров становится отказ от всего, что может помешать движению в сторону прогрессивного будущего. Второе значение «революции» наоборот, предполагает возвращение и восстановление справедливых прошлых порядков, которые оказались ранее утеряны. Предшествующий порядок является в этом случае не препятствием, а опорой происходящих изменений. Часто предметом возвращения называются ранее данные права или же декларируемой целью становится признание естественных прав. Второму подходу соответствуют хорошо известная теория общины Бакунина и тезис о частичном возвращении существовавшего когда-то до возникновения современного государства справедливого порядка:

Князья, часто прогоняемые и почти всегда странствующие из одного княжества в другое, пользовались только ограниченной властью <...> земля в действительности не принадлежала никому, т. е. она принадлежала всем — народу. Вот где кроется начало идеи, вкоренившейся в умах всех русских племен империи, — идеи, пережившей все политические революции и оставшейся более могущественной, чем когда-либо, в народном сознании, — идеи, носящей в себе все социальные революции, прошедшие и будущие... [2, с. 361]

Амбивалентность понятия «революция», соотношение двух основных значений послужит отправной точкой для дальнейшего рассмотрения темы. М. А. Бакунин был человеком своего времени и, как и многие современники, принимал расхожие представления о всеобщей истории и прогрессе.

Уважение человеческой личности, — пишет он в «Кнудо-Германской империи и социализме», — есть высший закон человечества <...> великая настоящая цель истории, единственно законная — это гуманизация и эмансипация — очеловечение и освобождение, реальная свобода, реальное благосостояние, счастье каждого живущего в обществе индивида [5, с. 196].

Бакунин в поздние годы жизни, постепенно отходя от дел, находит время для написания теоретических работ. Среди прочего, он разрабатывает в этот период теорию исторического развития. В соответствии с ней индивиды переходят от животного состояния ко все большему самосознанию, их жизнь рационализируется, таким образом, они делаются все более свободными. Он выделяет несколько уровней освобождения: познание наукой законов природы, изменение мира через разумный коллективный труд, наконец, политическая борьба, и устранение государства при помощи революции [см.: 12, с. 40; 5, с. 144, 166].

В этом свете животное состояние рассматривается как начальный пункт истории и оценивается отрицательно, постепенное отдаление от него является несомненным благом: «...животный мир является ничем иным, как кровавой гекатомбой, ужасной и плачевной трагедией, написанной голодом» [8, с. 394].

Животные и их отдельные черты в работах Бакунина часто приобретают негативные коннотации. Так, в «Письмах о патриотизме», посвященных критике этого явления, Бакунин утверждает, что современные государства эксплуатируют низменные страсти и агрессию по отношению к чужакам, приводя людей в состояние, близкому к животному. Задачей активистов и профессиональных революционеров Бакунин называет развитие рациональных и дружеских отношений в обществе, которые, в данном случае, отождествляются им с модерном [8, с. 394]. В другом случае, когда он хочет найти в статье тех же лет подходящее выражение о рабочем дне, который длится 16 часов, он пишет: «Оскотинивающий труд» [3, с. 372].

Итак, в теории Бакунина история есть движение от животности к свободе и рациональности. Одним из основных способов достижения прогресса, как уже говорилось, является революция. В этой связи, она тоже описывается Бакуниным как нечто рациональное и противостоящее животному началу: «...революционная деятельность, ради самого успеха своего дела, должна искать опоры не в подлых и низких страстях <...> без высшего, разумеется, человеческого идеала никакая революция не восторжествует» [9, с. 455]. Бакунин

помещает революцию в контекст всемирного исторического процесса. Таким образом, опыт конкретных и часто разрозненных и хаотичных политических конфликтов приобретает всемирно-историческое значение, наделяется целью и рационализируется. Революция — это, по словам Бакунина, «всемирно-исторический переворот», по своему значению выходящий за пределы конкретных эпизодов политической борьбы. «Мы родились под революционной звездой, мы живем и все без исключения умрем под ее влиянием. Мы находимся накануне великого всемирно-исторического переворота» [6, с. 230]. Революция осмысливается им через «грандиозную задачу» «полного действительного освобождения, как внутреннего, так и внешнего» [18, с. 178].

Иногда высказывания Бакунина о революции ведут исследователя к совсем другим выводам. Вместо прогрессивной модели времени революции, а чаще наряду с ней, Бакунин использует циклическую модель. Как уже отмечалось, она основана на идее возвращения прежде данных, а теперь утерянных прав и свобод или же на (повторном) признании естественных прав.

В связи с этим особенный интерес представляет теория права Бакунина. Право часто упоминается Бакуниным в связи с темой революции, прежде всего, для оправдания насилия в ее ходе. Отношение Бакунина к праву сложно (см. [14, с. 94]), он предлагает градацию «плохих» и «хороших» видов права. Первый вид формален и используется в интересах властей, второй же выглядит вполне приемлемым и даже обязательным.

Необходимо проводить четкое различие между историческим, политическим или рациональным правом и естественным, или просто человеческим правом. Первое правит миром до сего часа, заставив его смириться с кровавой несправедливостью и угнетением. Второе право станет орудием нашей эмансипации (цит. по: [15, с. 78]).

Бакунин во многом повторяет тезисы, восходящие к многочисленным теориям права на восстание, возникшим в раннее Новое время [29, р. 189–348; 13, с. 573–594]. Он предполагает, что время от времени политические сообщества сталкиваются с ситуациями, когда нарушаются права индивидов, сословий, сообществ верующих и т. д. Решением создавшейся проблемы является восстановление прав, которое Бакунин и называет революцией. Так, в «Принципах и организации интернационального революционного общества» он пишет:

«Цель демократической революции... это — возвращение свободы всем — лицам, коллективам, ассоциациям, общинам, провинциям, областям, нациям и взаимная гарантия этой свободы посредством федерации» [10, с. 306]. В основе этого возвращения лежат права каждого. Освобождение, по его мысли, произойдет через отмену действующих законов и водворение порядка, основанного на этих правах. Естественное право восторжествует, а нынешнее буржуазное позитивное право, противоречащее ему, отомрет. Бакунин, в противовес своему обычному историзму, называет права простых людей «неизменными и святыми» и призывает к их признанию. Признание прав означает, в данном случае, возвращение всем индивидам их первоначального статуса.

Вместе с тем важно отметить, что в XIX в. популярность теорий естественного права резко упала по сравнению с предшествующим периодом [32].

Вера в рациональность человечества и универсальность разума, основания естественного права, была подорвана после террора эпохи революции и наполеоновских войн. Множество авторов от английских утилитаристов И. Бентама и Дж. Милля до К. Маркса атаковали расплывчатые, на их взгляд, и оторванные от практики предпосылки этой теории. Схематичная рациональность XVIII в. была предметом постоянной критики также и у Михаила Бакунина. Кроме того, он, вслед за П.-Ж. Прудоном, был противником монтаньяров времен французской революции и не считал, что политика может быть воплощением в жизнь неизменных и очевидных принципов субъективных прав каждого. Бакунин называл Робеспьера «палачом анархистов» (цит. по: [16, с. 29]) и был далек от поддержки образа утопической насильственной политики, олицетворявшейся им.

Бакунин настаивал на том, что залог всеобщего освобождения в естественном праве, и в этом утверждении он опирался не на рационализм Просвещения, а на натурализм XIX в. Право, по утверждению Бакунина, дается природой, которая, в свою очередь, зачастую недоступна нам непосредственно, далека от очевидности, но может быть изучена, например, методами науки: «...наука, как компас, ведет по жизни...». Тем не менее Бакунин нигде не отождествляет естественный закон с законами природы, которые могут открываться учеными. Наука «не заменяет собой жизнь», роль науки чаще всего вспомогательная и касается, в первую очередь, помощи в улучшении благосостояния граждан. Правовые и политические вопросы должны решаться в «жизни» и природе, а не в отвлеченной мысли, считал Бакунин [см.: 30, р. 68–83]. Он всячески подчеркивал, что нужно уметь слышать природу и следовать за ней. Право, таким образом, есть проявление природного начала в обществе.

Источником права Бакунин называет народ, который также получает в его работах характеристики живости и непосредственности. В этом смысле тема прав человека в теории Бакунина сближается с другой важной для него темой, темой инстинкта. Выражение «инстинкт» часто встречается в его текстах. Под инстинктом он понимает некий врожденный естественный образ действия. Инстинкт, в юридических терминах, подобен обязывающей силе закона, который и задает личные права.

Инстинкт в представлении Бакунина возвращает нас к природе, а природа всегда активна, действенна. Обращаясь к инстинкту, люди также приобщаются к этой творческой потенции, силе и непосредственности природы. Бакунин считал, что инстинкт ведет нас к ранним моментам истории, первобытной дикости. Так, например, в «Государственности и анархии» он пишет, что Парижская коммуна стала столь значительным явлением, в том числе потому, что она сумела освободить «военную силу от оков, наложенных на нее буржуазною цивилизацией, возвратив ей полноту ее естественной дикости и право...». Бакунин использует характерную метафору зверя, чтобы описать существующий военный аппарат современного государства и противостоящие ему революционные силы. Он призывает к созданию «зверя» революции: «...чтобы бороться против <...> дикого зверя, надо иметь другого не менее дикого, но более правого зверя» [4, с. 269–270].

Военное дело в его текстах предстает не просто как инструмент достижения определенных целей, но как проявление чистой страсти к разрушению.

Подобно своему старшему современнику, влиятельному теоретику войны К. Клаузевицу, помимо цивилизованной рациональной составляющей Бакунин видит в боевых действиях первобытную тягу к разрушению, которая является движущей силой любой войны. Впрочем, он не считал эту составляющую войны опасной и плохо управляемой, в отличие от предлагавшего ее нейтрализовать Клаузевица [17, с. 56–57; 25, р. 28–38], Бакунин видит большой потенциал в развитии инстинктивного нецивилизованного начала в войне.

Право, инстинкт и первобытная страсть называются им среди причин революции. «Нищета и отчаянье» могут привести только к бунтам отдельных личностей или небольших сообществ. Для революции же, настаивает он, требуется нечто большее. Необходим «обще-народный (sic!) идеал, вырабатывающийся всегда исторически из глубины народного инстинкта». Его составляющими должны быть «общее представление о своем праве и глубоко страстная, можно сказать, религиозная вера в это право». Социальная революция происходит только тогда, «когда такой идеал и такая вера в народе встречаются вместе с нищетой, доводящей до отчаяния» [4, с. 95]. Бакунин даже сетует, что чем более народ цивилизован, чем дальше он продвинулся по пути рационализации, тем меньше у него этого первобытного «инстинкта мятежа» и тем меньше вероятность, что произойдет революция (см. [16, с. 67]).

Этот подход к революции оставляет за скобками историческое значение событий, рациональное целеполагание и веру в прогресс. В письме А. И. Герцену и Н. П. Огареву он настаивает на том, что любое построение планов на будущее вредит революции, рассудочные революционеры, которые стараются распланировать свои действия, являются настоящими преступниками, они мешают народному освобождению [16, с. 59]. Для Бакунина характерна формула «помчимся... куда вынесет буря» [7, с. 345].

Остается не совсем ясным, как Бакунин совмещает веру в рациональный прогресс и неисторичное представление о неизменной природе, инстинктах и возвращении. В некоторых случаях природное состояние и животность престают пройденным этапом и оцениваются отрицательно, а иногда они же называются движущей силой социальных изменений.

Один из ответов на этот вопрос состоит в том, что в теории Бакунина нет дуализма разума и биологической стороны человека (см. [23, р. 217]). Стало быть, и исследователям не стоит их противопоставлять и концентрироваться на выявлении противоречий разума и инстинктов. Но даже если они не противоположны, сохраняется вопрос об их различии. Бакунин определенно отделяет одно от другого: говоря об истории вообще, он скорее использует словарь Просвещения, а говоря о конкретных событиях, которые составляют революцию, он описывает их часто через страсти и возвращение в прошлое.

Возможно, следует обратить внимание на то, что революция в работах Бакунина — это не просто переход на следующую ступень исторического развития и обновление. Бакунин чаще выступает в своих работах в качестве профессионального революционера, а не создателя исторических утопий. Он предполагает, что новое общество не может возникнуть само собой, революции на практике чаще всего сопряжены с конфликтами разной степени ожесточенности.

Можно предположить, что два разных подхода к революции сосуществуют в разных масштабах. При взгляде со стороны революция предстает как историческое событие. Она имеет определенную рациональную цель, находящуюся в будущем, для достижения которой необходим полный разрыв с прошлым. Но при рассмотрении конкретных событий это конфликт, часто в форме войны, который не предполагает радикальных новаций. Конфликты, особенно политические, Бакунин склонен описывать как нечто «животное», так как ими движет беспокойная природная сила инстинкта. Можно сказать, при увеличении масштаба становится видно, что прогрессивный исторический процесс состоит из отдельных эпизодов иррациональной аисторичной борьбы.

Бакунин делает больший акцент на иррациональном, случайном и циклическом в политической деятельности, чем, возможно, это было принято в политической мысли того времени. При этом его политический иррационализм имеет явные пределы. Он ограничен сферой войн, политических конфликтов и революций. Бакунин не оспаривает того, что все эти события встроены в прогрессивный исторический процесс.

Представленный в статье тезис входит в некоторое противоречие с распространенным в литературе представлением о месте рациональности в теории Бакунина. Политический философ Эрих Фёгелин, показывает Бакунина пророком грядущих перемен: «Историческая перспектива Бакунина не оставляет сомнений относительно его роли как нового Иоанна Предтечи...» (см. [31, р. 198–199, 214–215]). Пол Маклафлин, автор одного из наиболее добротных исследований философских взглядов Бакунина, пишет, ссылаясь на Фёгелина, о том, что революционное действие, как его понимал Бакунин, определяется исторической перспективой, и в целом теория революции Бакунина является продуктом гегельянского рационального взгляда на историю [27, р. 59–60]. Сходной позиции придерживается Айлин Келли, которая предполагает, что основной характеристикой теории Бакунина является утопичность, т. е. наличие некой рациональной цели в будущем, определяющей и оправдывающей действия в настоящем [24, р. 2]. Названные исследователи также пишут и о страсти и инстинкте как важных составляющих теории Бакунина; но они остаются вспомогательным элементом теории. В основе его представлений о революции и истории, по их убеждению, лежат не эти вспомогательные элементы, а рациональность. Такой взгляд нуждается в некотором дополнении, так как скорее стоит говорить о том, что иррациональность и цикличность наравне с прогрессом задают представление Бакунина о революции.

В заключение следует сказать о последствии принятия тезиса о двойственности понятия «революция» Бакунина. Сложно отрицать то, что Бакунин придерживался многих характерных для его времени идей о всемирной истории, разуме, прогрессе, которые в настоящее время представляют преимущественно антикварный интерес. Но помимо этих общих мест, в силу разных обстоятельств, в его теории обнаруживаются необычные черты, более понятные для современного читателя, чем для читателя XIX в.

В его работах можно обнаружить разбросанные здесь и там размышления о насилии, нерациональности, разрывах и противоречиях современного ему мира, не сводимых в полной мере к рациональной картине мира. Можно с осто-

рожностью предположить, что эти идеи делают его более актуальным автором, чем можно себе представить на первый взгляд, хотя для подтверждения этого предположения потребовалось бы отдельное компаративное исследование [см.: 28, р. 42–43; 26, р. 307–308]. Хотя эти положения, выраженные, в том числе, в его рассуждениях о революции, нельзя найти у Бакунина в эксплицитном виде, тем не менее, его труды дают пищу для размышлений в сфере истории политической мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арго Ж. — К. Бакунин о революционной роли деклассированных // Человек из трех столетий (Прямухинские чтения — 2014, международная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения М. А. Бакунина). — М.: Футурис, 2015. — С. 183–200.
2. Бакунин М. А. Воззвание к славянам русского патриота Михаила Бакунина, члена славянского съезда в Праге // Бакунин М. А. Собр. соч. и писем. 1828–1876: в 4 т. — Т. 3. — М.: Издательство Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1935. — С. 345–366.
3. Бакунин М. А. Всестороннее образование // Бакунин М. А. Анархия и порядок. — М.: ЭКСМО-пресс, 2000. — С. 350–372.
4. Бакунин М. А. Государственность и анархия // Бакунин М. А. Избр. соч.: в 5 т. — Т. 1. — Пг.; М.: Книгоиздательство Голос труда, 1919.
5. Бакунин М. А. Кнуто-Германская империя и социализм // Бакунин М. А. Избр. соч.: в 5 т. — Т. 2. — Пг.; М.: Книгоиздательство Голос труда, 1919.
6. Бакунин М. А. Коммунизм // Бакунин М. А. Собр. соч. и писем. 1828–1876: в 4 т. — Т. 3. — М.: Издательство Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1935. — С. 222–231.
7. Бакунин М. А. Народное дело: Романов, Пугачев или Пестель // Бакунин М. А. Анархия и порядок. — М.: ЭКСМО-пресс, 2000. — С. 322–350.
8. Бакунин М. А. Письма о патриотизме // Бакунин М. А. Анархия и порядок. — М.: ЭКСМО-пресс, 2000 — С. 373–407.
9. Бакунин М. А. Письмо Н. П. Огареву 21 октября 1874 // Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. — СПб.: Изд. В. Врублевского, 1906. — С. 454–455.
10. Бакунин М. А. Принципы и организация Интернационального революционного общества. II Революционный катехизис // Бакунин М. А. Анархия и порядок. — М.: ЭКСМО-пресс, 2000. — С. 276–306.
11. Бакунин М. А. Речь на конгрессе Лиги Мира и Свободы в 1868 г. // Бакунин М. А. Избр. соч.: в 5 т. — Т. 3. — Пг.; М.: Книгоиздательство Голос труда, 1920. — С. 103–117.
12. Бакунин М. А. Усыпители // Бакунин М. А. Избр. соч.: в 5 т. — Т. 4. — Пг.; М.: Книгоиздательство Голос труда, 1920. — С. 23–40.
13. Бульст Н., Козеллек Р., Майер К., Фиш Й. Революция // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи: в 2 т. / пер. с нем. К. А. Левинсона. — Т. 1. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — С. 520–728.
14. Валицкий А. Философия права русского либерализма / пер. с англ. О. Р. Пазухиной, С. Л. Чижкова, О. В. Овчинниковой, Н. А. Чистяковой. — М.: Мысль, 2012.
15. Графский В. Г. Бакунин. — М.: Юридическая литература, 1985.

16. Зильберман И. Б. Политическая теория анархизма М. А. Бакунина (критический очерк). — Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.
17. Клаузевиц К. О войне / пер. с нем. А. Рачинского. — М.: Логос; Наука, 1998.
18. Кун М., Фодор И. Бакунин и его французские современники // Французский ежегодник: статьи и материалы по истории Франции 1977. — М.: Наука, 1979. — С. 164–181.
19. Магун А. В. Отрицательная революция: к деконструкции политического субъекта. — СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008.
20. Одесский М. П., Фельдман Д. М. Поэтика власти. Тираноборчество. Революция. Террор. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2012.
21. Пирумова Н. М. Социальная доктрина Михаила Бакунина. — М.: Наука, 1990.
22. Стеклов Ю. М. Михаил Александрович Бакунин, его жизнь и деятельность. 1814–1876: в 3 т. — Т. 1. — М.: Изд-во коммунистической академии, 1926.
23. Breckman W. Marx, the Young Hegelians, and the Origins of Radical Social Theory. Dethroning the Self. — Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
24. Kelly A. Mikhail Bakunin: A study in the Psychology and Politics of Utopianism. — Oxford: Oxford University press, 1982.
25. Mansfield N. Theorizing War. From Hobbes to Badiou. — London: Palgrave Macmillan, 2008.
26. Marshall P. Demanding the Impossible: A History of Anarchism. — London: Harper Perennial, 2008.
27. McLaughlin P. Mikhail Bakunin: The Philosophical Basis of His Theory of Anarchism. — New York: Algora Publishing, 2002.
28. Newman S. Research Methods and Problems: Postanarchism // The Continuum Companion to Anarchism. — London: Bloomsbury Academic, 2012. — P. 41–49.
29. Skinner Q. Foundations of Modern Political Thought: in 2 vols. — Vol. 2. — Cambridge: Cambridge University Press, 1978.
30. The Political Philosophy of Bakunin: Scientific Anarchism / comp. and ed. by G. P. Maksimoff. — New York: The Free Press of Glencoe, 1964.
31. Voegelin E. From Enlightenment to Revolution. Durham: Duke University Press, 1975.
32. Waldron J. The Decline of Natural Right // The Cambridge History of Philosophy in the Nineteenth Century (1790–1870). — Cambridge: Cambridge University Press, 2012. — P. 623–650.